

ДЬЯВОЛ КАБАРЕ

ЭДИНБУРГ — Вот первое впечатление от постановки Джозефом Беднаржиком оперы Гуно "Фауст": сыграны "Паяцы", старый клоун измучен, его одежда разодрана в клочья, а новый церемониймейстер, в дьявольском облике, в длинном до пят серебристом макинтоше, держа хлыст в руке, ждет свежего зрелища. Словацкая национальная опера привезла на Эдинбургский фестиваль 1990 года именно ту оперу, о которой грезил зритель.

В этой версии "Фауста" главным действующим лицом стал Мефистофель. Это его имя негасимо пылает над рампой, это ему повинуются спектакль, сцена за сценой, эпизод за эпизодом. Даже дирижер (Оливер Дохнани) не отваживается без его знака приподымать свой жезл. Мефисто не только организует белый лимузин для Фауста, перековавшегося в плейбоя, но и, в развязке этого высокого фарса, влечет Маргариту, обретшую новые крылья, к новым пределам. Это он смотрит с восхищением на то, как разваливается на куски оболочка драмы и старый измученный клоун возвращается к своим занятиям в гримерной.

Питер Микулас богато наделен демонической внешностью и черным, гиацинтовым атлетизмом вокала, — именно теми качествами, которые требуются для этой роли. Змеящаяся в его устах усмешка и раскаленный взгляд, пронзающий темноту зала, осеняют его нимбом лаконичной мудрости. В тот момент, когда он нарывается на обращенное к нему расписание, он со всех ног бежит к себе в гримерную, надевает свою дьявольскую накидку, потом бегом возвращается и падает на сцену, катаясь по полу в притворной агонии. Когда он встречает солдат, возвращающихся с войны, то принимает позу генерала Красной Армии, марширующего на параде; и в этой туше, печатающей шаг, нет толстого намека, а есть лишь тонкое поддразнивание.

Легкость жеста и взгляда, скрытый художнический восторг, прячущийся в глубине изысканных эвфенизмов — вот что придает силу этому длинному и дьявольски циничному кабаре. Каждую сцену предваряет танцовщик, несущий табличку, эпизоды и места действия меняются постольку, поскольку катится по подмосткам маленький цирковой караван, который превращается то в лабораторию Фауста, то в дом Маргариты, то в храм, то в темницу.

Труппа весьма умеренно использует танцовщиков — то в роли приспешников Мефисто, то в роли жестикулирующих двойников, alter ego (Мефисто, Секс. Власть, Маргарита). Из сцен маршей и Вальпургиевой ночи можно было бы выжать больше, но не этого нужно Беднаржику и его хореографу, Либору Вакулику. Вальпургиева ночь разыграна как серия четырех па-де-де некоего преуспевающего и остроумного сексуального учреждения и завершается вращением кордебалета на одной ножке к вящему удовольствию вездесущей публики, болтающейся в это время на заднем плане сцены.

Если в чем опера потеряла, то не в театральности и не в драматизме, а в том, что простая и незамутненная музыка Гуно, с помощью которой композитор изображал людские страсти, побледнела и отступила в тень.

Этот братиславский театр, воспитавший таких солистов, как Питер Дворски, Лючия Попп и Габриела Беначкова, и поныне держит марку. Для Мирослава Дворски (Фауст) и Ричарда Хаане (Валентин) стиль французского легато представляет такие же сложности, как и для их английских коллег, но с каким талантом и мастерством они справляются со всеми трудными местами в партиях! Ева Дженисева играет в очередь с двумя другими певицами; ее сопрано, темное и пенящееся как вино, лишенное малейшей натуги, этот голос, который так точно отражает одновременно уязвимость и страстность натуры Маргариты, долго не изгладится из памяти и будет преследовать мой влюбленный слух.

Хилари ФИНДЖ,
Агентство "Денно и ночью"